

ПОЛИТЭКОНОМИЯ БУДУЩЕГО

Раскрыты основные тенденции, определяющие образ будущего. Показаны современные диспропорции социально-экономического развития и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: политэкономия будущего, кризис, мир перемен.

JEL: O 100, F010,

Один известный экономист, когда узнал, что я пишу книгу под названием «Куда идёт мир? Политическая экономия будущего», спросил: «И что, у книги счастливый конец?». Я ответил, что пока не знаю, но не думаю, что он будет счастливым. Что ж, теперь, когда книга написана, я уже знаю. Так вот, не будет: это книгу можно закончить, а процесс, который в ней описан, был и остаётся открытым. Это бесконечный процесс.

Потому что нет конца у истории, потому что не кончатся различия в точках зрения между сторонниками прогресса и реакционерами, между умными и глупыми, между молодыми и старыми; потому что сохраняются противоречия интересов и конфликты между бедными и богатыми, между США и Китаем, между неолиберализмом и государственным капитализмом, между старой идеологией и новым прагматизмом. Между добром и злом.

История не только не кончается, но и не стоит на месте. Прекрасно сказал об этом Олдос Хаксли: «Очарование истории и её тайный урок состоит в том, что от эпохи к эпохе ничего не меняется, но всё совершенно другое» (Huxley, 1952. P. 259). Действительно, всё или почти всё сейчас другое, но стало ли лучше?

Нам оставалось неполных 15 лет до того прекрасного времени, картину которого в 1930 году нарисовал Кейнс. Он писал о том, что будет через 100 лет, то есть в 2030 году, который, оглянувшись не успеешь, окажется на пороге: «Впервые со времён сотворения человек встанет перед лицом реального вызова: как применить свою свободу против давления экономических проблем и как заполнить свободное время, которое даст ему наука и сложный процент, чтобы жить разумно, в согласии и достойно». Напомним, что, говоря о сложном проценте, Кейнс имел в виду кумулятивный эффект долгосрочного экономического роста. По Кейнсу, он должен был бы привести к трёхчасовому рабочему дню или 15-часовой рабочей неделе, а тем временем всё указывает на то, что даже в самых богатых странах сокращение этих показателей даже до 6 и 30 часов соответственно находится под очень большим вопросом. И уж наверняка мы не в историческом преддверии того, когда «Любовь к деньгам как собственности – в отличие от любви к ним как к средству, гарантирующему

¹ *Гжегож В. Колодко* – руководитель Исследовательского центра по проблемам трансформации, интеграции и глобализации (Польша).

приятное и жизненно необходимое – мы будем считать омерзительным болезненным состоянием, одной из тех полукриминальных-полупатологических склонностей, в которых мы с отвращением признаёмся специалистам по душевным болезням» (Keynes, 1963). Любовь к деньгам – омерзительное состояние?! Что за чудачества...

Вот так, рисуя картину, Кейнс нарисовал иллюзию, а всё потому, что сделал неверное предположение относительно умеренности потребительских запросов вместе с ростом богатства и в отношении индивидуальных изменений и социальных ценностей. Желая прекрасного будущего не меньше, чем он, мы должны остерегаться этого и не рисовать идиллию, которая воцарится через 20, 50 или 100 лет. Не воцарится, её не будет. И хорошо, если вместо того, чтобы нестись сломя голову, мы спокойно будем продвигаться вперед.

Мы уже знаем, что мир будущего – это многополярный мир (Kurchan, 2012). Даже если американцам всё еще кажется, что они могут получить своё глобальное верховенство, они не получают его. Даже если китайцы со свойственным им чувством собственного достоинства и набирающей силу экономикой рассматривают себя как супердержаву или кто-то другой их видит таковыми, всё равно они не станут господствовать над миром. Если европейцы каждое утро будут напоминать себе, что они не только единственный источник современной цивилизации, но и один из её центров, то каждый вечер им надо вспоминать, что времена господства миновали раз и навсегда. Никто не будет господствовать, потому что многополярное будущее – экономическое, культурное, политическое, военное – неизбежно. Оно уже на дворе. И это хорошо для мира: не устраняя многочисленных угроз, именно такая система создаёт высокие шансы для поддержания равновесия сил и, следовательно, для мирного развития планеты. А для того чтобы все было именно так, нужны громадные усилия как в направлении соответствующей институционализации этой многополярности, так и в направлении строительства взаимного доверия. Без взаимного уважения к иным ценностям и без признания мультикультурности это может не получиться.

Коль скоро всё не кончится тотальной мировой войной, может быть, у нас есть повод быть довольными? Что ж, хэппи-энда не будет, зато и военного катаклизма, будем надеяться, тоже не будет. К сожалению, дело может дойти до другого катаклизма, связанного с прогрессирующим разрушением окружающей человека природной среды. Если в будущем мы хотим меньше печалиться, то потребуются глубокие изменения также в треугольнике «ценности – институты – политика» в приложении к экологии. Удастся их успешно провести, тогда со временем вместо того, чтобы всё больше горевать о плачевном состоянии природы, мы снова сможем всё больше радоваться и наслаждаться ею.

К сожалению, многому в том, что нас окружает, – в природе, культуре, экономике, – настает конец, и конец этот бывает отнюдь не счастливым. Биологи говорят, что в наше

время ежегодно безвозвратно погибают целые виды флоры и фауны темпами, в тысячу раз превышающими исторические тенденции. Лингвисты предполагают, что от 50 до 90% ныне существующих языков исчезнет ещё до конца века. Ну и не одна фирма исчезнет ещё до конца сегодняшнего дня.

Споря о путях, ведущих в светлое будущее, мы не обязаны решать дилемму, какое неравновесие больше угрожает человечеству – экологическое или социальное, потому что экономическое, как оно ни важно, самой большой угрозой не является. Не получится, однако, жить спокойно и экономически развиваться без овладения ситуацией на всех трёх фронтах. Только и это не исчерпывает списка проблем.

Исключения подтверждают правило, но учиться стоит на всех примерах хорошей практики и опыт тоже черпать следует отовсюду, если он сможет быть полезным в постоянной тоске по хэппи-энду. Есть уникальные случаи, как, например, Бутан, где главным образом благодаря прекрасной природе, семейным ценностям, способствующим социальному единству религии тибетского буддизма, но прежде всего благодаря мудрой и дальновидной политике короля живут одни из самых счастливых на земле людей. Мудрой, то есть заботящейся о гармоничном сочетании культуры и природы с политикой, способной сделать людей счастливыми. Был там, сам видел...

Исключительность этой страны идёт от опоры стратегии социально-экономического развития не на взвинчивание показателя валового продукта, а на максимизацию сложного показателя «валового национального счастья» (Gross National Happiness, GNH), который охватывает многие аспекты функционирования общества, культуры, экономики, природной среды и государства¹. В этом отношении у Бутана многому могут поучиться практически все, в частности, те страны, где стыдно быть богатым. Несмотря на то что доход на душу населения составляет всего 5800 долл. по ППС, в рейтингах, оценивающих ощущение счастья и удовлетворение от жизни, Бутан находится на восьмом месте в мире. В том числе и потому, что не допускает у себя слишком сильных неравномерностей в доходах.

В настоящее время более двух третей человечества живёт в странах, где начиная с 1980 года разброс доходов постоянно растёт. Подавляющее большинство населения этих стран должно было заметить углубление неравенства, часто резкое, необоснованное, без какой бы то ни было связи с изменениями квалификации и производительности труда. Если бы не компрометация реального социализма, который с грохотом рухнул в 1980–1990-е годы, то наверняка прошла бы волна социалистических революций и в таком направлении

¹ Стоит заглянуть на специальный интернет-портал, посвященный проблемам измерения GNH: www.Grossnationalhappiness.com. Об альтернативных мерах экономического развития, в том числе об опыте Бутана я пишу в книге «Мир в движении» (М., 2009. – С. 355 и далее).

могла бы пойти и «Арабская весна», и все другие бунты, которые ещё только намечаются. Потому что существующее положение вещей в распределении доходов неприемлемо. Если эту пагубную тенденцию нарастания неприемлемых диспропорций доходов не получится повернуть вспять, то не только не будет никакого хэппи-энда, но и не удастся избежать Ещё Большого Кризиса с сопровождающими его социальными потрясениями. И когда уже опыт реального социализма XX века будет забыт, призрак нового социализма пойдёт бродить не только по Европе, но и по всему миру. А кто-то считает, что уже бродит.

И вот что интересно: будто опасаясь такого поворота событий, накануне американских президентских выборов 2012 года симпатизирующий либеральному течению экономики и политики еженедельник «The Economist», издание весьма влиятельное в кругах финансистов, менеджеров и политиков, публикует в качестве главного текста, вместе со специальным приложением, чуть ли не манифест, взывающий к снижению неравномерностей в распределении доходов². Материал был озаглавлен «True Progressivism», но я сомневаюсь, что название произвело фурор, тем более что его можно понимать не только как «прогрессивность» (за которую выступают и консерваторы), но и как «левый уклон» или «радикализм» (за который выступают многие от левых до правых). Гораздо важнее, отражает ли такая перемена взглядов (а она в этих кругах существенна) изменение мышления в сторону правильного или является просто реакцией страха за собственную экономическую шкуру и прагматическим подходом, выраженным вполне справедливой убеждённости в том, что всё зашло слишком далеко.

Расширение зоны неравномерности огромно. В Соединённых Штатах часть национального дохода, получаемая 0,1% населения (для этого промилле популяции годовой доход на душу населения составляет по меньшей мере 1,5 млн долл.), выросла с 1% в 1980 году до 5% на сегодняшний день. Именно так: одна тысячная населения имеет одну двадцатую дохода, который всё ещё имеет название национального, то есть принадлежащего всей нации, всему народу. Более того – и это больше всего раздражает людей, со времени отскока от рецессионного дна в начале 2010 года в течение трёх последующих лет 90% (!) прироста ВВП перешло в руки 1% населения. Дальше такие крайности неприемлемы как по соображениям морали, так и в силу своей практической непригодности. Капиталисты – собственники, банкиры, инвесторы, предприниматели, менеджеры, рантье – будут способствовать социальным волнениям – а люди обязательно взбунтуются, слишком большие различия оборачиваются также против экономического роста, в котором капиталисты особенно заинтересованы.

² The Economist. – 2012. – October 13.

Вопрос только в том, преодолена ли уже граница жадности и глупости. Разговоры о том, что богатые платят прогрессивные налоги, – неправда. Если принять во внимание все льготы и исключения, а также бюджетные трансферты, то окажется, что доля богатейшего 1% населения в общих налоговых поступлениях США составляет 21,6%, то есть примерно равна доле в ВВП (23,4%), зато налоги, выплачиваемые беднейшим квинтилем – низшим с точки зрения доходов 20% населения – составляют 2,1% всех налоговых поступлений в казну, а его доля в ВВП – 3,3%.

Более того, будущие бунты могут набрать силу и стать угрозой стабильности системы. Пока до этого дело дошло во многих арабских странах, где атаке подвергся местный патологический государственный капитализм. Многих из его приверженцев ожидал отнюдь не хэппи-энд. Надо иметь в виду, что причиной бунтов было вовсе не желание получить право время от времени свободно бросать в урну избирательный бюллетень, а невозможность дальше терпеть социальную отверженность, особенно бедность, которая неразрывно связана с диким неравенством в распределении доходов и богатства.

Растут протесты в некоторых странах Евросоюза, где на домохозяйства пытаются перебросить практически всю тяжесть издержек экономического кризиса. Но фантазия работает и подсказывает, что стоит ещё немного продолжиться процессу материального расслоения общества, ещё немного одним обогатиться за счёт других, переложить ещё немного последствий кризиса на экономически более слабых членов общества, ещё немного попытаться возвратиться к неолиберальному *business as usual* и окажется, что мир в обществе больше невозможен, а вести дела, делать бизнес в таком обществе не имеет смысла.

На этом фоне явным нонсенсом выглядит мнение одного из нобелевских лауреатов по экономике, американца Роберта Лукаса, который писал, что «среди тенденций, вредных для приличной экономической науки, которые кажутся привлекательными, я считаю наиболее брызгливой сосредоточение на вопросах распределения» (2003; 2004). А по моему мнению, она очень даже полезна, если только сопровождается прагматизмом, а не популизмом.

При таких, как у Лукаса, взглядах ничего удивительного, что неолиберализм стал ещё большим врагом здоровой экономики, чем государственный капитализм. Странники подобных взглядов, способствуя громадному неравенству, пилят сук, на котором сидят, с той лишь разницей, что пилят его с разных сторон. С какой, может быть, и имеет значение на нынешней фазе подпиливания, но когда придётся падать, это значения иметь не будет.

К пересмотру консервативных взглядов в этой сфере должен склонить хотя бы положительный опыт Латинской Америки, где за последние 10 лет именно в результате «вредного» и «брызгливого» вмешательства государства бедность уменьшилась

приблизительно на 30%, причём около трети этого улучшения произошло благодаря мудрой политике в области перераспределения доходов.

Возможно, неолиберализм, наконец, начинает понимать это, коль скоро один из его интеллектуальных центров призывает к «истинному прогрессу». Может быть, это поймёт и государственный капитализм, который в противном случае тоже ожидают серьёзные беспорядки и кризис. Ужасным по своим последствиям для мировой экономики был бы сценарий, когда после дорогостоящего преодоления обширного кризиса, вызванного неолиберализмом на Западе во главе с Соединёнными Штатами, вскоре дело дошло бы до не меньшего потрясения, вызванного пороками государственного капитализма на Востоке во главе с Китаем.

Если бы Бог создавал мир сейчас, он наверняка сделал бы его не только справедливым, что с первого раза не получилось, но и сотворил бы его за четыре дня, а не за шесть, и, отдыхая, радовался бы своему произведению не в одну только субботу, а три дня подряд. А всё потому, что рост производительности труда, который он сам скорее всего признал бы чудом, оказался таким большим, что в наше время за одну восьмичасовую смену человек создаёт столько же, сколько тысячу лет назад за целый год. А, может, задумался бы, что предпочтут люди – четыре дня по семь с половиной часов, а потом уикэнд на три дня или работать по шесть часов пять дней в неделю.

До сих пор с начала истории произошло только одно значительное изменение в этой области. Некоторые из нас ощутили его на себе, у других это пока ещё впереди. Это изменение – переход на пятидневную рабочую неделю и обретение двухдневного уикэнда. В большой мере данное изменение было вызвано идущим вслед за техническим прогрессом ростом производительности труда. В результате за одно и то же время можно было создать больше товаров или – и в этом как раз дело – произвести не меньше товаров и оказать не меньше услуг в более короткий период. Но не добродушие капиталистов и не возвышенные чувства законодателей оказались маховиком систематического увеличения свободного от работы времени в странах высокоразвитого капитализма. В пользу введения уикэнда говорили прежде всего экономические интересы. Надо было создать структурные основы для роста спроса на автомобили, что было условием экспансии автомобилестроения, сначала в США, потом в других странах. Естественно, люди должны были чувствовать не только потребность обладать автомобилем, но и соответственно зарабатывать, что было возможно благодаря быстро растущей производительности труда. Умный механизм управления потребностями и их постепенного превращения сначала в потенциальный спрос, а потом вместе со сбалансированным ростом производства и заработной платы в эффективный спрос дал двойные плоды – он увеличил и потребление, и свободное время.

Это стоит повторить, потому что приближается момент очередного революционного сокращения рабочего времени – до четырёх дней в неделю или до шести часов в день. В пользу такого поворота событий говорит ряд факторов: не только сравнительно высокий уровень потребления в наиболее развитых странах, но и высокий уровень безработицы. С одной стороны, дальнейший рост потребления в богатых обществах уже практически не вызывает роста удовлетворённости жизнью (и работой), с другой же – в мире по крайней мере каждый десятый в работоспособном возрасте не имеет работы. И экономическим, и социальным нонсенсом является поддержание системы, в которой одни слишком много работают и многие из них зарабатывают достаточно, чтобы удовлетворять растущие потребности, а другие остаются без работы и даже без минимальных доходов, чтобы быть в состоянии удовлетворять минимальные потребности. Что ж, надо делиться, в том числе и работой.

Итак, свободного от работы времени будет больше. И это хорошая новость, что, впрочем, не значит, что это будет совершенно свободное время, которое целиком можно будет отдать на самореализацию, а не только на потребление товаров и услуг, которых станет больше, чем сегодня. Мы меньше времени будем проводить за работой, но не обязательно, и наверняка не у всех меньше времени будет уходить на подготовку к работе. С одной стороны, в нашем жизненном цикле мы будем больше учиться и больше, уже работая, доучиваться и переучиваться, повышая свой уровень. С другой стороны, каждый рабочий день больше времени будет уходить на то, чтобы добраться до работы и вернуться домой, разве что мы попадём в число тех счастливицков, чьё рабочее место будет перенесено к ним домой в результате того самого технического прогресса и изменений в организации труда. А то, что якобы в массовом порядке рабочий процесс переместится с фабрик, заводов, офисов, пунктов оказания услуг в дома, следует отнести к разряду сказок. Даже Бог должен был бы выходить в эти четыре дня из дома, чтобы создать движущийся мир будущего, что уж говорить о нас, простых смертных XXI века.

Так что же нам может дать технический и организационный прогресс? На что мы можем рассчитывать, чтобы не просчитаться? Может, всё-таки не придётся так долго добираться до работы, потому что нас туда без задержек доставят самодвижущиеся автомобили без водителя? Может, и доставят, но, пользуясь благодеяниями технического прогресса, мы так или иначе будем вынуждены систематически сокращать время работы, чтобы снизить безработицу. Сегодня она имеет характер в основном структурный, а не конъюнктурный. Это значит, что даже если в странах уже высокоразвитых, таких как Япония, Канада, Австралия, Италия, ВВП рос бы в среднем по 3% в год, а в странах, всё ещё отстающих в плане уровня производства, таких как Индия, Мексика, Индонезия, Египет, даже по 6%, всё равно

безработицу не удалось бы свести к приемлемому уровню. Приемлемому, то есть как можно более низкому, необходимому в плане гарантии гибкости производства. Не вдаваясь в детали, можно допустить, что такой уровень безработицы – это около 4–6% в зависимости от специфики конкретной экономики.

Время, которое настанет, в разных местах земного шара представляется по-разному. Но если в общем сравнить ожидания людей от будущего сейчас и 100 лет назад, то наше время – и это интересно – исполнено большим оптимизмом. Правда, есть и исключения как в странах, страдающих от бедности, где фраза «авось как-нибудь перекантуемся...» – выражение высшего оптимизма, так и среди богатых обществ. Однако во всех случаях лучшее, более светлое, по мнению оптимистов, будущее – это скорее общая ситуация более высоких доходов и просто более высокого уровня жизни, о котором мечтается на основе того, что люди видят у богатых, а не представление о чём-то совершенно новом, что это будущее может принести.

Не изменится ли за грядущие полвека столько всего, что, окажись мы там, ничего бы не узнали? На первый взгляд нет, но минуточку спустя стали бы понимать, что находимся в иных реалиях, чем те, что были двумя поколениями ранее. То же самое произошло бы и в наше время, если кто-нибудь попал бы к нам из полувековой давности. Тогда уже существовало цветное телевидение, ездили автомобили, летали реактивные самолеты и тысячи вещей выглядели так же, как выглядят сейчас, во всяком случае, очень похоже. Тогда можно было убить президента США, да и теперь могло бы случиться то же самое, если бы он поехал в открытой машине. Но очень быстро наш путешественник во времени наткнулся бы на совершенно новые вещи, невообразимые в его время. От таких мелочей, как мини-юбки, до таких сенсаций, как интернет. А больше всего он удивился бы тому, что нет больше телефонных будок и все ходят по улицам и разговаривают по мобильникам.

Он быстро узнал бы, что США по-прежнему политическая, экономическая и военная сила, но что больше нет Советского Союза и теперь надо соревноваться с Китаем, в котором уже нет маоизма, а есть государственный капитализм – нечто гораздо более труднообразимое полвека назад, чем интернет. А куда делись колонии? Неужели эти «восходящие рынки» – бывшие колонии, голос которых всё громче звучит при решении глобальных вопросов? А политкорректность в их описании, заполнившая всё вокруг, это что, серьёзно или игра в слова?

Ещё он понял бы, что нас в два раза больше, чем тогда, и что многие люди готовы практически на всё, в том числе и на смертельный риск, лишь бы перебраться из бедных стран в изобильные. И удивился бы, что в этих последних бедности тоже предостаточно, хотя почти каждый зарабатывает тысячи долларов, что в прошлые времена относилось

человека по крайней мере к верхней части среднего класса. Правда, тогда были другие доллары и цены были тоже другие. Вот бы цены его удивили! За билет в кино столько долларов, сколько тогда в центах?! Сюрпризов была бы куча.

Если кто-нибудь из 2015 года окажется в 2065-м, тоже безмерно удивится, заметив, сколько изменений произошло в домах и на улицах, в природной среде и в технике, в культуре и политике, в экономических и социальных отношениях. Всё так же будут летать сверхзвуковые реактивные самолёты, во много раз превышающие скорость звука. А если он возьмёт новейший учебник по экономике (да-да, мы и в то время иногда будем брать книгу в руки, хотя достаточно будет назвать, какой параграф какой главы мы хотим услышать, и в наши уши польётся соответствующий текст, при этом мы сможем выбрать, чей голос будет звучать – любимого актёра или любимого профессора), тоже удивится, чему они там пытаются научить бедных студентов... Самым большим удивлением было бы отсутствие в автомобилях водителей и то, что на улицах много пожилых людей.

Но признал бы он, что по сравнению с тем, что было 50 лет назад, мы стали ближе к хэппи-энду? Или, на мгновение появившись в его голове, эта мысль быстро покинула бы её? Однако вскоре он задал бы себе вопрос: как же так получилось, что, имея столько времени и такие возможности, люди не только не смогли решить многие старые проблемы, но и создали столько новых?!

Если кто-нибудь посмотрит из 2065 года на сегодняшний день, тоже немало удивится, сколько же проблем человеческий гений за два поколения смог решить, как умно он применил достижения науки к некоторым аспектам жизни, как социально-экономическое развитие подняло уровень удовлетворения человеческих потребностей. А вместе с тем не смог бы сдержать удивления: почему столько дел замели под ковёр Истории? Почему в экономике и политике по-прежнему безнаказанно верховодит глупость, которая, казалось бы, уже давно должна была отдыхать на свалке, а интеллектуалам и учёным, людям честным и передовым всё ещё приходится отстаивать позиции разума и рациональности? И, к сожалению, этот кто-то придёт к выводу, что всё ещё возможно убийство президента США, если бы он не оставался самым охраняемым человеком в мире. В мире, в котором нас будет уже в три раза больше, чем век назад, в 1965-м. Станет тесно, а там, где тесно, трудно быть счастливым.

Сегодня мы не знаем, какова будет длина юбок, ведь не могут же они постоянно укорачиваться. Не знаем, какие новые влиятельные глобальные организации начнут свою деятельность, а какие отойдут в небытие и будут вспоминаться как исторический курьёз, не знаем, какие из них перенесут свои штаб-квартиры в Пекин или Шанхай. Надеемся, что самолёты будут летать тише, а поезда ездить быстрее, можем нафантазировать массу

технических гаджетов, на которые у нас хватит средств, но кое-какие проблемы нам ещё даже не сняты. Это будет другой мир, сильно отличающийся от мира 2015 года, хотя сейчас трудно, а скорее даже невозможно сказать, будут ли различия между 2065 и 2015 годами больше, чем уже известные нам различия между 2015 и 1965-м. Наверное, нет. Может ли что-нибудь в течение предстоящих пяти десятилетий изменить реальность больше, чем компьютер и интернет? А может быть, случится какой-то катаклизм и вся масса различий сведётся к тому, что будет гораздо хуже, чем было раньше? Будем ли мы больше довольны собой и жизнью? Станем ли счастливее?

Наверное, не стоит фантазировать и рисовать идиллические пейзажи. Раз будет лучше, другой раз хуже, где-то ситуация поправится, где-то ухудшится, но везде будет по-другому, потому что мир будущего – это мир динамичных изменений. Сохранение традиций с появляющимся новым будет производить впечатление своеобразного беспорядка – не хаос, но и не порядок в буквальном значении слова. Можно сказать, что будущее явит собою некое перманентное переходное состояние. Продолжатся движение и изменения, вызванные небывалым наложением друг на друга мегатрендов и микропроцессов. С одной стороны, новые моменты в экономических и социальных отношениях будут вносить глобализация и связанные с поиском новых ценностей культурные изменения, с другой стороны, научно-техническая революция принесёт новое знание, технологию, новые продукты и услуги. В результате изменятся также предпочтения, установки, поведенческие реакции как индивидов, так и всего общества. К сожалению, не всегда к лучшему.

То, что наше время очень интересно, возможно, больше, чем любая из прошедших эпох, мы уже знаем. Но особенно ли оно в том смысле, что именно теперь решается, что и как будет после? Ведь сколько раз уже объявляли, что вот оно, переломное время, цивилизация на распутье, мир оказался в поворотном пункте, существовавшее положение вещей достигло своих границ и дальше так продолжаться не может. Вот и сегодня такого рода декларации – самого большого калибра – не редкость. Ошибся сначала Мальтус (а сколько таких было до него!), потом Кейнс, потом чета Медоуз, публикуя «Пределы роста», но каждый по чуть-чуть был прав и обращал внимание на что-то фундаментальное, определяющее, важное. В наше время Жак Аттали – человек умный, который редко ошибается, в книге под характерным заглавием «Краткая история будущего» уже в первом предложении пишет: «Сегодня решается вопрос, каким будет мир в 2050 году, и подготавливается форма, которую он примет в году 2100. В зависимости от наших поступков наши дети и внуки будут жить либо во вполне приемлемом мире, либо в аду, за который нас возненавидят» (Аттали, 2014). Так вот, таких «сегодня», когда на тему «завтра» говорилось

очень много, уже несколько было в истории. Может быть, и сейчас, в эти последние несколько лет, происходит нечто похожее?

Аттали написал эти слова 10 лет назад (французское издание книги появилось в 2005 году), так что, может, уже решилось, ждёт ли следующие поколения, в том числе внучку моей внучки, письмом к которой я закончил «Мир в движении» (Колодко, 2009. С. 538–539), ад. Но, видимо, пока ещё нет, коль скоро ответила мне, показывая мир через 100 лет, в начале XXII века, хоть и не сказочный, но вполне сносный (Kołodko. С. 298–3049).

Тем временем произошло нечто важное. Разразился обширный кризис, явные симптомы которого появлялись уже в 2007 году, а очередные его волны до сих пор разбегаются по свету. Придут ли вместе с новым годом тучные или, может, это начало наклонной плоскости, по которой нам придётся катиться следующие два-три-четыре поколения прямо в ад? А пока мы будем катиться, дело, может, дойдёт до тотального банкротства Запада, о чём нас тоже предупреждали (Attali, 2010).

Что ж, это возможное будущее, но отнюдь не неизбежное. Потому что не произошло пока ничего окончательного, ничего неотвратимого, ничего однозначно определяющего будущее мира. Но если бы роковыми решениями, опирающимися на жалкие ценности, проводимыми через плохие институты, подгоняемыми ошибочной политикой, продолжить то, что было в последние семь лет, ещё лет эдак на семь, то мы окажемся в проигрыше. Потому что двигаться в направлении экономики кризиса – значит проиграть. Потому что поддаваться влияниям консервативных ценностей – значит проиграть. Потому что растратить потенциал экономического роста – значит проиграть. Потому что не использовать шансы разумного развития – значит проиграть. И в этом смысле «сегодня» в огромной степени определяет «завтра», причём это «сегодня» насчитывает десяток с небольшим лет, а «завтра» – несколько десятков и больше лет. Мы принимаем участие в глобальной борьбе за будущее цивилизации, и стоит отдавать себе в этом отчёт, тем более что окончательный результат не предreshён. Может быть гораздо хуже, но может – и должно быть – гораздо лучше. Это тоже возможное будущее.

Более приемлемый образ будущего, способствующий гармоничному развитию человека и общества, может появиться только при верховенстве мудрости над глупостью и разума над безрассудностью. А если совсем не повезёт, то и тогда останется последний шанс: генетические манипуляции. Оказывается, что в определённой степени склонность к прогрессу или консерватизм, черты характера, из которых следует левое или правое мышление, закодированы в генах (Hatemi, 2012). Быть может, когда-нибудь генная инженерия захочет сравняться по своим деструктивным силам с финансовой инженерией и нанесёт ещё больше вреда, манипулируя закодированной в генах информацией, которая

влияет на характер и взгляды вместе с политическими предпочтениями. Исследователи идентифицировали ген под кодовым названием DRD4 и нашли ещё 11 генов разных типов, которые могут быть ответственны за склонность людей к консерватизму или прогрессу. Я решительно предпочитаю, чтобы будущее опиралось на знание, которое даёт честная экономическая наука и новый прагматизм, а не на генетические модификации, даже если бы удалось гену DRD4 придать прогрессивные склонности.

Мы радуемся, что нет хэппи-энда, потому что лучше, чтобы эта захватывающая история не кончалась. Кто-то утверждает, что перспектива отсутствия катаклизма уже сама по себе вселяет оптимизм. Во времена такого хаоса скептик сказал бы, что мы должны быть довольны уже тем, что весь этот мир не рухнул нам на голову. Мог бы, но не рухнул! Давайте порадуемся этому, но не слишком, потому что отложить не значит отменить... Это надо предотвратить, и тем более нельзя медлить с решением наиболее острых проблем, перед которыми стоит человечество.

Если кто-то – от индивида и семьи до обществ и народов – хочет быть более довольным жизнью, особенно теми её аспектами, которые связаны с экономикой, он должен сознательно направлять эволюцию своих потребностей и создавать рациональные условия для их удовлетворения. Только тогда можно будет удержать состояние динамического равновесия, которое необходимо для нормального функционирования и развития. Жадность, алчность, необузданное стремление к материальным богатствам, к господству над другими ради того, чтобы их эксплуатировать, – эти человеческие пороки не могут быть хорошим рецептом для счастья. Умеренность, рациональность, предусмотрительность, трудолюбие, честность, умение сотрудничать с другими могут стать таким решением.

Воспользуемся ли мы данными нам Историей шансами? Перед нами расстилается возможное будущее, в котором заранее видно как желательное будущее, так и такое, которого следует избегать. Постоянно будут сталкиваться две тенденции – хорошая и плохая, и сегодня невозможно сказать, какая из них победит, но можно показать, что и как надо делать, чтобы верх взяла желательная тенденция. Когда в игру вступают не только интересы, но и большие чувства, математическая калькуляция невозможна. Эмоции в экономике надо умерять, но нельзя от них избавиться полностью. Нельзя позволить терроризировать себя цифрами, которые, будучи оторванными от идей и ценностей, мало на что годятся. Потому что жизнь не проходит в компьютерных моделях, а быстро летит в конкретной культурной, социальной и политической реальности, которая вся пронизана чувствами.

Хватает и опасностей, и шансов, но главное, чтобы, активно отвечая на первые, приумножать и как можно лучше использовать вторые. Не всегда и не везде, но всё больше

будет рациональных поступков и решений, потому что многие процессы накладываются друг на друга, и именно их переплетение окажется решающим. Перемены в сфере ценностей, глобальных институтов, технического прогресса и экономики, построенной на знании и всеохватывающем интернете, сделают своё. Однако опасностей, угрожающих сбалансированному развитию, будет предостаточно. Надо постоянно быть начеку, потому что идёт великая битва за завтрашний мир.

Хаос – закон природы, но именно в ней бывает больше порядка и гармонии, чем в сознательной хозяйственной деятельности. Нельзя допустить, чтобы хаос был хозяином экономики, потому что тогда человек не будет её хозяином. Мечта человека – порядок, хотя невозможно так выстроить дела, чтобы порядок сам по себе, без помощи человека царил в мире. Так что на будущее нам остаётся только в меру упорядоченный хаос. В ведущейся игре за будущее главное, чтобы победителем не стал ни хаотичный неолиберальный капитализм, ни чрезмерно упорядоченный государственный капитализм. Ни одна из этих систем ценностей, институтов и политики не гарантирует гармоничного развития. Вперёд надо идти по дороге, указанной новым прагматизмом. В этом и есть самый большой вызов. В этом и есть самый большой шанс.

Действительно ли мы уже отошли от мира, в котором о возможностях политики в принципе судят по её продолжению в виде физической силы? Не слабеет ли всемогущая до недавнего времени политика, основанная на силе денег? Не подходим ли мы потихоньку к политике, строящейся на силе знания и ума? Что будет иметь большее влияние на формирование будущего: военный потенциал, экономическое положение или сила разума? Всеобщий триумф политики (в том числе экономической), построенной на знании и разуме, до сих пор не был отмечен. Но мы устремлены в этом направлении, и это вселяет некоторый рациональный оптимизм. Много ли? Это каждый решает для себя сам.

Всё происходит так, как происходит, потому что многое происходит одновременно. Основной урок, который нам даёт политическая экономия будущего, таков: всё может осуществляться совершеннее, лучше, поскольку мы всё больше понимаем, что от чего зависит. И это понимание – огромный капитал.

Во всём этом больше всего раздражает, что опять многое из того, что должно быть сделано, в значительной мере сделано не будет.

Это и стоит сделать, и можно сделать, но этого не будет. Почему? Потому что никогда не получится до конца искоренить человеческие пороки и политические изьяны, приводящие к ошибкам в хозяйственной деятельности и к трениям. Никогда не станет так хорошо, чтобы можно было сказать, что надо всем счастливо царствует разум и благородство, хотя мечтать об этом не запрещается. Будущее постоянно будут раздирать противоречия интересов и

пронизывать конфликты идей. Если мы теперь стали лучше понимать, за что идёт борьба, значит, есть ещё шанс, что в будущем рациональность пробьётся в жизнь в больших масштабах.

Движемся дальше, потому что есть куда.

Литература

Аттали Ж. (2014) Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб: Питер.

Колодко Г.В. (2009) Письмо // Мир в движении. М.: Инфра-М.

Attali J. (2010) Tous ruinés dans 10 ans? Paris: Fayard.

For richer, for poorer. Special Report World Economy // *The Economist*. 2012. October 13.

Hatemi P.K. (2012) McDermott R. The Genetics of Politics: Discovery, Challenges and Progress // *Trends in Genetics*. Vol. 28. Issue 9. September.

Huxley A. (1952) *The Devils of Loudun*. London: Chatto and Windus.

Keynes J.M. (1963) Economic Possibilities for our Grandchildren / John M. Keynes. *Essays in Persuasion*. New York: W. W. Norton and Co.

Kupchan C.A. (2012) *No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York: Oxford University Press.

Lucas R.E. (2003, 2004) The Industrial Revolution: Past and Future, Annual Report Essay. Minneapolis: The Federal Reserve Bank of Minneapolis.

Kołodko G.W. *Więści z XXII wieku // Świat na wyciągnięcie myśli*. Warszawa. С. 298–304.

The political economy of the future

Grzegorz W. Kolodko

Author affiliation: Head of the “TIGER - Transformation, Integration and Globalization. Economic Research” (Poland)

The article reveals the underlying trends that define the image of the future and shows the current imbalances of socio-economic development and ways to overcome them.

Keywords: political economy of the future, crisis, the world of change.

JEL: O 100, F010